

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Русская память Крыма

Когда американский вице-президент Джо Байден говорит нынче об оккупации Крыма русскими, я поражаюсь его невежеству. Можно спорить, насколько элегантно был Крым возвращен России, но непонятно, кого же оккупировали русские в Крыму?

Поговорим хотя бы о культуре. Может быть, кто-то из украинских знакомых скажет, какие памятки украинской культуры есть в Крыму, какие знаменитые писатели, художники, артисты из Украины ее посещали, ее воспедали? А вот о русских книгах в Крыму написано уже множество книг. И вновь сегодня эта тема стала злободневной. Возьмем хотя бы русских писателей и поэтов в Коктебеле в XX веке, это же был в течение всего XX века один из главных центров всероссийской культуры.

Совсем недавно, в 2015 году, вышла в Симферополе книга всем известного коктебелевского писателя и поэта Вячеслава Ложко «Серебряная память Коктебеля». Ее бы надо было подарить Байдену, дабы ознакомил с историей русского Крыма. Какая славная в Коктебеле оказалась компания русских «окупантов»: Максимилан Волошин, Николай Гумилев, Андрей Белый, Осип Мандельштам, Алексей Толстой, Максим Горький, художники Иван Айвазовский, Константин Богоявленский, Викентий Верещаев, Михаил Булгаков, Александр Грин, Валерий Брюсов, Марина Цветаева, Илья Эренбург и многие другие. Будь они украинцами, я представляю, какой бы ор устроили не только Байден и Порошенко, но и наша либеральная интеллигенция, ныне так осуждающая русскую оккупацию Крыма. Вот Вячеслав Ложко, хранитель коктебелевского музея, и описал подробнейшим образом многолетнюю, вековую оккупацию Коктебеля блестящими представителями великой русской культуры. И хотя бы один известный незалежный писатель в эти славные ряды затесался. Впрочем, никто из русских гениев, как позже и мы со Славой Ложко, себя и не отделял от столь родных нам украинцев. Представляю, как бы описал киевлянин Михаил Булгаков нынешние кривляния и наших либералов, и киевских писателей, почитайте «Белую гвардию» для примера.

Парадокс заключается еще и в том, что в шестидесятые-семидесятые-восьмидесятые годы и все славные русские писатели-либералы постоянно годами оккупировали все тот же Крым и Коктебель, кого я только не встречал в нашем Доме творчества: Андрея Битова и Василия Аксенова, Александра Борщаговского и Беллу Ахмадулину, Фазила Искандера и Евгения Попова... Те еще были русские оккупанты, терзали годами несчастную украинскую крымскую землю.

Думаю, Вячеславу Ложко предостой еще большая работа по написанию нового тома «Серебряной памяти Коктебеля», куда бы вошли уже все ему знакомые писатели второй половины XX века. Наверняка, войдет туда отдельной главой и коктебелевская история Иосифа Бродского, для которого эта крымская земля была одной из самых дорогих и значимых для его творчества. По сути, Коктебель был для Иосифа идеальной имперской «глухой провинцией у моря». Тут тебе и остатки античности его любимой Римской империи, тут и древние скифы, при этом, как поговаривали, «любомия песочница советской империи». Все сразу. В такой атмосфере и стихи писались легко. В стихотворении, посвященном коктебелевской художнице Наталье Севериной, он пишет:

Не рыдай, что будущего нет.
Это – тоже в перечне примет
Места, именуемого Раем...

Ни много ни мало – русским Раем был для русских писателей XX века родной им Коктебель.

Стоит на набережной Коктебеля памятник Максиму Волошину, Вячеславу Ложко пробыл недавно и памятник Николаю Гумилеву, пора бы уже заняться памятником Иосифу Бродскому, еще одному славному русскому «окупанту»...

Книга «Серебряная память Коктебеля» – это не просто книга очерков о великих деятелях русской культуры, посетивших в те или иные годы Коктебель, это такой вотбитый навечно русский столб в основание русского Крыма. Электронники – это очень важно и хорошо, но жаль, что наш президент не посетил тот же Коктебель, не приложился к памятникам русских гениев, не побывал в музеях Грина и Волошина. Электронники, как мы знаем, можно и взорвать нашим врагам, а вот память о великой русской культуре, стрфы из стихов Волошина и Гумилева, Цветаевой и Бродского, «Алые паруса» Александра Грина – нигде не выкинешь, пока жива Россия. Бывал в Коктебеле и наш русский музыкальный гений Георгий Свиридов, «окупировавший» его своей изумительной музыкой, столетие со дня рождения которого в декабре 2015 года отмечает весь культурный мир планеты.

Вячеслав Ложко и сам уже давно – один из символов русского Коктебеля, заходя в фирменный винный магазин, вспоминаются его строки: «Я пью божественный напиток / Ко́ньяк с названьем «Коктебель»...», гуляя по улице Гумилева, по улицам Волошина, Грина, Северянина, Цветаевой и других писателей, вспоминают, что и эти поэтические названия лицам пробыл в посевоте все тот же Ложко, знают все коктебелевцы России и музыкально-литературный салон Ложко, где за эти годы проводили свои творческие вечера Георгий Поженян и Виктор Пронин, Андрей Битов и Наталья Медведева, Валерий Ганичев и Игорь Янин, был там и мой творческий вечер. За последние годы Вячеслав Ложко организовал федеральную литературную премию имени Николае Гумилева, каждый год на гумилевские чтения приезжают многие лучшие писатели России... И эта знаковая книга – «Серебряная память Коктебеля», вышедшая в знаковый для всей России и для Крыма год присоединения к России, уже не даст нам забыть все славные традиции русской литературы.

В книге собраны очерки об Андрее Белом («Пленинный дух»), о Валерии Брюсове («Бесстрастный мастер»), о Михаиле Булгакове («И блажен будет», о Викентии Верещаеве («Смелость быть собой»), о Максимилане Волошине («Скиталец, познающий мир»), о Максиме Горьком («Великий Буревестник»), об Александре Грине («Мир сказочных грез»), о Николае Гумилеве («Святая честь поэта»), об Осипе Мандельштаме («Все движется любовью»), об Алексее Толстом («Отчества кровный сын») и, наконец, о Марине Цветаевой («Одиночество верховный час»).

Неплохо подобрались русские «окупанты», захватившие русский Крым еще в начале XX века.
А какие они оставили после себя строчки о Коктебеле, их никак не вместишь в украинскую культуру, при всем уважении к ней. Вот, к примеру, коктебелевский Осип Мандельштам:

*Золотое руно, где же ты, золотое руно?
Всю дорожку шумели морские,
тяжелые волны,
И, покинув корабль,
натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством
и временем полней...*

Вот так же полон пространством и временем наш русский Крым. И никто уже и никогда не извлечет из русской поэзии и из русского Коктебеля ни самого Макса Волошина, ни его изумительные стихи, ни его могилу на горе Кочук-Енишар, возвышающуюся над всем Коктебелем, откуда открывается вся панорама «Страны синих сквап». Сам прах Волошина в Коктебеле, прах Александра Грина в Старом Крыму не дали Крыму стать украинским. Как писал Волошин:

*Старинным золотом и железью напитал
Вечерний свет холмы,
Зардели красны, буры
Клоки косматых трав,
как пряди рыжей шкуры.
В огне кустарники и воды, как металл...*

Эти стихи русских поэтов помогали и «вежливым людям» провести абсолютное мирное присоединение Крыма к России. Очерки Вячеслава Ложко о коктебелевской русской культуре помогают и сегодня крымчанам преодолеть все тяжести блокады. В полной темноте в лишенной света Феодосии звучали по вечерам чудные киммерские строчки, помогая выжить:

*Гаснут во времени,
тону в пространстве
Мысли, событья, мечты, корабли...
Я же уношу в свое
странствие странствий
Лучшее из навежденной земли...*

Эти русские стихи не оторвать от Коктебеля, этот Коктебель не оторвать от таких дивных строк. Как вспоминал Всеволод Рождественский о возвращении в Россию, в Коктебеле Андрея Белого: «он вулканически переживал радость возвращения под небо родной культуры» – в Россию, в Коктебель, и просто «эримо отразал прах гнилой западной цивилизации», вот так и мы отразаем ныне Крым от следов чужеродной русской культуре вторжения...

Как пишет Вячеслав Ложко, «все они остаются и навсегда останутся в памяти Коктебеля, – Коктебеля Серебряного века, Коктебеля нынешнего, Коктебеля будущего. Их имена всегда будут его вечной, серебряной памятью...» А его книга о великих русских поэтах и писателях станет навсегда частью русской памяти Крыма.

Русский Коктебель и сейчас продолжает писать свою творческую историю.

Владимир
БОНДАРЕНКО
Москва

Роль искусств в формировании духовно богатой, творческой, социально-активной личности общезвестна. Как утверждал великий педагог В.А. Сухомлинский, необходимо «научить ребенка видеть в красоте окружающего мира духовное благодушие, доброту, сердечность и на основе этого утверждать прекрасное в самом себе». Активным помощником школы в решении проблемы художественного воспитания является музей – хранитель культурного наследия, которое издревле служило средством воспитания и образования.

Музей. Равно как и другие социальные институты позволяет закрепить и углубить имеющиеся знания, преобразовать их в соответствующие убеждения. Этому способствуют два принципиально важных фактора. Во-первых, в центре музейного педагогического процесса всегда находится подлинник истории культуры. Во-вторых, здесь появляется феномен единства информационно-логического и эмоционально-образного воздействия на разум и чувства посетителей. В музее информация приобретает наглядность, образность, активизирует визуальное мышление, становится эффективным средством преемственности культуры и передачи социального опыта.

Многие формы культурно-образовательной деятельности в большей степени ориентированы на удовлетворение потребности людей в рекреации, отдыхе, разумных развлечениях. Необходимо упомянуть такую форму, как встреча с интересным человеком, которая привлекает людей возможностью непосредственного общения с незаурядной личностью.

В наши дни появляется необходимость в проведении концертных, литературных вечеров, театрализованных представлений, кинопросмотров. Эти формы приобретают большее значение, когда с их помощью воплощается идея синтеза предметной среды и искусства. Это взаимное взаимодействие с музыкой, танцем, литературой.

Симферопольский художественный музей выступил одним из инициаторов программы «Симферополь – культурная столица». Эта программа осуществляется вот уже несколько лет и включает в себя разделы работы со школьниками г. Симферополя, Симферопольского района, с учащимися

ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО

высших профессионально-технических училищ, студентами высших учебных заведений и дошкольниками. Задача программы: использовать художественное наследие, хранящееся в музее. Передать ценностное отношение к миру сквозь призму этнонациональной специфики, что особенно важно в условиях Крыма, являющегося уникальным многоконфессиональным регионом.

Главной заботой государства, власти должна быть не химера национальной идеи, а культура... Вне культуры существование человечества на планете лишается смысла.

Д.С. Лихачев

Донести патристическую идею

Мы живем в стране, которая служит гарантом мира на планете: устоят Россия – устоят мир. В этом роль нашей Родины. В статье Николая Константиновича Рериха «Россия» сказано: «Россия грандиозна. Неповторима. Россия – месия новых времен, Россия – единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых. Россия – могучий хрустальный водопад, дугою выходящий из бездн времени в бездну времени, гудящий на весь мир могучим утверждением всеславянского бытия».

Из чего вырастает огромная любовь человека ко всему, что помещается в одном слове – Родина? Идешь по улицам родного города, по его площадям и тихим переулкам и сердце своим ощущаешь: это твой город. Так же, как и Родина. Она есть у тебя, как есть у тебя мать. Небо над головой, Родина под родными окнами, воздух которым ты дышишь. Любовь к Родине не объясняют, не увидят человеческим взглядом. Ее лишь можно чувствовать, как цвет мадленец. Она захватывает тебя постепенно, проникая в самые потаенные уголки твоего сердца. Она смешана с воздухом родного города.

Мы дышим ею, пытаемся вобрать в себя. В такие минуты мы как будто становимся единым целым с нею, кончиками пальцев ощущаем ее тепло. Любовь к Родине многогранна. Она стремительна и легка в минуты безмятежного счастья.

На мероприятии были прочитаны стихи разной тематики, разного периода ее творчества, но центральным стержнем творческой программы, как

реснейшими артистами, которые приезжают на полуостров и участвуют в её творческих вечерах и концертах. Это композиторы и исполнители Василий Гуляев (Пермь) и Алексей Кузнецов (Санкт-Петербург), а также оперные певцы Рада Точальная (Севастополь – Мельбурн), Владимир Чадов (Пермь), Никита Бондин (Москва), Александр Зарянкин (Санкт-Петербург). В репертуаре этих вокалистов – песни и романсы на слова Ольги Ивановой. К слову, Р. Точальная, Н. Бондин – ученики композитора Татьяны Великовской, которая нередко выступает вместе со своим соавтором, она аккомпанировала солистам и на этом вечере.

В этот раз блистал на сцене оперный певец из Севастополя Тарас Калько с песней «Скажи мне, небо» и романсом «Синие глаза» (оба произведения написаны творческим дуэтом Ольги Ивановой и Татьяны Великовской).

Очень тепло была встречена песня «Поле в ромашках», написанная Ольгой Ивановой в соавторстве с пермским композитором Валерием Осиповым-Покровским, которая исполнялась победителем международного фестиваля «Ялос-2015» Людмилой Базюк. С подерых аккордов и до последних тактов поддерживал аллодисментами песню «Черное море», искренне исполненную композитором, заслуженным работником культуры АР Крым Галиной Куберской.

В исполнении композиторов Василия Гуляева и Алексея Кузнецова прозвучали патристические песни «Поле в ромашках» и «Памяти Игоря Ткаченко, командира пилотажной группы «Русские витязи», которые, по словам зрителей, нельзя слушать «без мурашек по коже».

Публика всегда просит о повторении таких встреч, поэтому на следующий, 2016 год, запланирован целый цикл мероприятий, посвященных историческим событиям, изучению героико-патристического и социально-осознанного поведения молодежи, воспитание у подрастающего поколения любви к Родине, стремление искренне служить Отечеству, общение с участниками событий и знатоками военной истории, а также с творческими людьми, умеющими посредством искусства донести до сердца каждого патристическую идею.

Светлана КОЛЕСНИЧЕНКО,
организатор культурно-массовых мероприятий ГБУ РК
«Симферопольский художественный музей»

МАСТЕРСКАЯ ТАЛАНТА

Детской литературной гостиной Любови Сивельниковой – 10 лет!

Любовь Сивельникова – крымская поэтесса, известная творчеством для детей. Вот уже 10 лет – с 2005 года – Любовь Ильинична ведет Детскую литературную гостиную на дому. До этого она много ездила по Крыму, выступая в школах, детских домах, библиотеках, – и всегда ее приезд был для ребят и учителей праздником. Сейчас детвора приезжает к поэту в гости. Это разные дети: малыши и подростки, школьники, ребята из детских домов, участники творческих детских коллективов и студии, ведущие и «звездочки» детского радио и детских программ крымского ТВ. И, конечно же, их добрые учителя и воспитатели. Каждая встреча – неповторима. Любовь Ильинична рассказывает, что долго готовится к ним, продумывает сценарий: чтобы было не только чтение стихов и развивающая беседа, но и игры, викторины, неожиданные споры. Иной раз дети сами удивляют ее своими творческими подарками: рисунками и поделками на ее стихи, сценками по их сюжету, придуманными по ним играми.

– Какое, на ваш взгляд, основное личностное качество учителя? А детского писателя? В чем сходство и различие?

– Различий нет. Писатель – это тоже учитель. Нужно уметь ставить в жизни ребенка ту «запятую», которая им запомнится навсегда. Сама встреча с этим человеком, его уроки или его стихи... Писатели продолжают учить. А отличия... Учителя говорят назидательно. Но это часть всего от нехватки времени. У них программа, в которую они должны вложиться, все успеть, да еще и чтобы было интересно. Писатель в этом смысле более свободен, и именно потому у него другие обязанности. Он не должен быть назидателен. Читая, ребенок должен задумываться, размышлять, делать собственные выводы. Правильно ли поступил герой книги? А что бы сделал ты на его месте? Если ребенок научится спрашивать, он сумеет выступить протестом любого негатива, который навязывает ему социум.

– Главная отличительная черта книг других крымских детских писателей в том, что большинство пишет «о детях», а вы – «для детей»: обучающие, образовательные, развивающие и воспитывающие книги. Почему было выбрано именно это направление?

– Когда я была учителем, часто замечала, что не хватает материала. Да, сейчас есть интернет, но даже с ним учителю некогда искать, выбирать. А как было прежде, когда работали по литературе, в библиотеках... Учителю настолько загружено, что не до выбора просто. Нужно сделать урок, то есть взять суть. По тем же крымским цветам, овощам и фруктам... Об этом мои книги «Азбука крымских цветов» и «Витамины из корзины». Или по технике безопасности для детей – об этом книга

«Береги себя». Меня так часто благодарят учителя – просто за то, что я сделала за них эту работу, да еще и в краткой, емкой и занимательной форме – стихотворениях в 6-8 строк. Учителю достаточно прочитать детям несколько таких стихотворений, чтобы дать огромное количество знаний за короткое время. «Загадки животного мира» – это не загадки, это признаки животных – для изучения. Но сказать «Загадки» – значит, сразу привлечь внимание ребенка к знаниям. При создании таких книг у меня сработало желание быть помощницей не только детям, но и учителям. Я просто понимаю суть этой работы.

– Вот уже 10 лет вы проводите творческие встречи с детьми на дому. На одной из таких встреч я была и видела, сколько радости это приносит и детям, и вам. Думаю, по этому поводу никаких вопросов задавать не нужно. Просто опишите свои ощущения.

– Самое важное – это взаимность. Мы пропитываемся энергией, духовной и душевной, которая просто зашкаливает. Это – благодать! И я благодарна Богу за то, что я имею возможность (дар – это слишком сильно, скажу просто – «возможность») писать стихи для детей и общаться с ними. Мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскрепощенность. Никто никого не боится, не стесняется. Все говорит, двигаются, смеются... Бывает, мои встречи – камерные, мы все сидим рядышком: дети и писатель – его можно не только послушать, но и потрогать, если захочется, почувствовать – вот он, рядком. Поэтому на встречах наших царит душевное тепло и раскреп